

имѣла сознательно эклектическій характеръ, и всего легче это увидать, заглянувъ въ столь излюбленное Толстымъ его сборники: *Кругъ чтенія* или *Путь Жизни* (его послѣдняя работа). Въ религіозномъ своемъ міровоззрѣніи Толстой является безпримѣснымъ представителемъ просвѣтительскаго рачіонализма, какъ онъ вырабатывается начиная съ 17-го вѣка, съ его чудобоязнью и отрицаніемъ сверхъестественнаго откровенія и откровенной религіи. Вѣра въ *естественную религію*, открывающуюся въ каждомъ человѣкѣ, съ особенной же ясностью въ религіозныхъ мыслителяхъ, но въ существѣ своемъ всюду тожественную, вполнѣ раздѣляется Толстымъ съ другими просвѣтителями. Отсюда проистекаетъ его методъ нанизыванія изреченій разныхъ мыслителей, который, при кажущемся эклектизмѣ, въ дѣйствительности вполнѣ соотвѣтствуетъ этому основному его религіозному убѣжденію. Отсюда же проистекаетъ и его манера отбрасывать все индивидуальное и конкретное въ историческихъ религіяхъ, въ частности и въ христіанствѣ и выводить за скобку общее, но потому и абстрактное. Въ этой абстрактности и рачіоналистичности религіи Толстого не лежитъ ли разгадка и того, что она такъ плохо мирилась въ немъ съ его искусствомъ, которое было мистически богаче и красочнѣе, нежели эта дистиллированная религія? По крайней мѣрѣ, авторъ *Севастопольской обороны* и *Войны и Мира* умѣетъ рассказать о православіи нѣчто совсѣмъ иное, нежели авторъ *Царствія Божія*. Какъ бы то ни было, но христіанство имѣетъ для Толстого значеніе только *одной изъ многихъ* формъ религіознаго самосознанія человѣчества, принципиально вполнѣ равнокачественныхъ. Отсюда это постоянное, утомительное повтореніе ряда именъ религіозныхъ учителей: Будда, Магометъ, Конфуцій, Иисусъ, Сократъ... Сюда присоединяются и другія имена, вплоть до нашихъ современниковъ, такъ что сама собою напрашивается и еще прибавка къ этому перечню: *и Толстой*. Ее уже и дѣлають неумѣренныя почитатели, забывающіе, что отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ. Однако гораздо хуже то, что, повидимому, отъ этой прибавки, сознательно или безсознательно, не всегда бывалъ свободенъ и самъ Толстой. Во всякомъ случаѣ только крайне низкій уровень религіозной сознательности въ нашемъ обществѣ объясняетъ распространенное отношеніе къ этимъ религіознымъ разногласіямъ, какъ къ какимъ-то пустякамъ или недоразумѣніямъ. Церковное ученіе и „толстовство“ (какъ и